

**ПЕРСОНАЛЬНАЯ ЭСТЕТИЧЕСКАЯ МОДЕЛЬ.
РЕЦЕНЗИЯ НА КНИГУ БОГДАНА ДЗЕМИДОКА
«ФИЛОСОФИЯ И ИСКУССТВО ЖИЗНИ»**

*Пер. Золочевская С. С., Харьков:
Гуманитарный центр, 2019, 164 стр.*

МАРИНА ВАСИЛЬЕВА

Марина Александровна Васильева — кандидат философских наук, ассистент кафедры философии, Санкт-Петербургский горный университет, Санкт-Петербург, Россия

E-mail: ma.vasilyeva@gmail.com

В тексте представлена рецензия на книгу польского эстетика Богдана Дземидока. «Философия и искусство жизни» является сборником из восьми его эссе на различные темы (оптимизм и пессимизм, мораль и нравственность, свобода, счастье, любовь и дружба, старость, музыка и национальная идентичность, эротизация поп-искусства). Знаменательным оказывается не только выбор сюжетов, но и авторский стиль изложения: активное обращение к очень личному в тесном соседстве с философским обобщением. В рецензии представлена попытка кратко представить и охарактеризовать рассуждения Дземидока. Автор рецензии приходит к выводу, что и стиль, и выбранные сюжеты, и подходы к ним польского философа складываются в презентацию персональной эстетической модели.

Ключевые слова: Философия жизни, искусство жизни, Богдан Дземидок, польская философия, польская эстетика

PERSONAL AESTHETIC MODEL. REVIEW OF THE BOOK “PHILOSOPHY AND THE ART OF LIFE” BY BOGDAN DZEMIDOK

*Tr. Zolochevskaya S. S., Kharkiv:
Gumanitarniy centr, 2019, 164 p.*

Marina Vasilyeva

PhD, Assistant, St. Petersburg Mining University, St. Petersburg, Russia

E-mail: ma.vasilyeva@gmail.com

The review is devoted to the book of Polish aesthetic Bohdan Dzemidok. “Philosophy and the Art of Life” is a collection of his eight essays on various topics (optimism and pessimism, morality, freedom, happiness, love and friendship, old age, music, national identity, erotization of pop art). The choice of subjects is important as well as the author’s style of writing: an appeal to the very personal examples is mixed here with a philosophical generalization. The review provides an attempt at a brief presentation of Dzemidok’s reasoning. The author comes to the conclusion that all components of the book: the style, and the selected plots, and the approaches of the Polish philosopher to them, form and present a personal aesthetic model.

Key words: Philosophy of life, art of life, Bohdan Dzemidok, Polish philosophy, Polish aesthetics

При написании рецензии на книгу сложно не попасть под влияние текста и не начать излагать свои мысли в том же ключе и стиле. В этой рецензии я попытаюсь рассказать о новой книге польского эстетика Богдана Дземидока «Философия и искусство жизни», не начиная играть в своеобразную игру, выбранную им. Новая книга Дземидока является сборником из восьми эссе на различные темы (оптимизм и пессимизм, мораль и нравственность, свобода, счастье, любовь и дружба, старость, музыка и национальная идентичность, эротизация поп-искусства). В них автор легко жонглирует философским и повседневным дискурсами, терминами и обыденными словами. Дземидок выражает свой взгляд на жизнь языком беседы за вечерним чаем, но тут же вспоминает о терминах, не давая уюту поглотить свою мысль. Эта игра составляет главное своеобразие книги, которая по своей

структуре является собранием философских рассуждений, снованных на личном опыте.

Вполне предсказуемо, что описанное выше смешение стилей порождает как сильные, так и слабые стороны текста. То, что легко дается автору, отнюдь не всегда легко для читателя, уже настроившегося на определенный лад. Поэтому возникает желание аккуратно разложить предложенные автором эссе на компоненты, отделить личный и профессиональный взгляд, «классические» примеры по теме — и ситуации из личных наблюдений. Это было бы возможно, но совсем не имело бы отношение ни к книге, ни к авторскому замыслу, ни к вдумчивому чтению. «Философия и искусство жизни» Дземидока целостна в своей искренности, предполагающей не только исследовательскую честность автора в определении ключевых философских понятий и вопросов, но его открытую, откровенную демонстрацию очень личных чувств и мыслей. У читателя здесь тоже остается пространство для маневра: предложенную игру можно продолжить и модифицировать, можно отвергнуть, но точно не стоит ее нарушать механическим препарированием.

В предисловии к русскому изданию А. Е. Радеев и Б. В. Орлов задают очень верный читательский настрой, сравнивая книгу Дземидока с собеседником, ведущим с читателем неспешный разговор о жизни. Это очень хорошее определение. Начиная такую беседу, вы никогда не знаете, как сложится разговор, насколько глубоко он заденет вас, почувствуете ли вы желанное понимание Другого (или себя). Каждое эссе в книге Дземидока предполагает такую неопределенность, возможно, не очень подходящую для академического философского труда, но весьма интригующую. Хотя, как читатель не со всеми позициями автора я готова была согласиться, в то же время были в тексте моменты понимания и маленькие открытия, столь яркие и отчетливые, по-своему простые и честные, что беседу хотелось продолжать.

Занятно, как автору удастся втянуть читателя в подобный разговор. Я полагаю, что причина здесь опять же в его абсолютной открытости, которая может застать читателя врасплох. Честность Дземидока порой обескураживает

отсутствием замалчивания проблем в рассуждениях о возрасте, человеческих отношениях, восприятии современной культуры, отсутствием привычной, но зачастую напускной политкорректности (ряд примеров, описывающих условных женщин и мужчин в ситуации выстраивания ожиданий и выборе партнера, сложно читать без мысли, что их использование в современном мире — не самая лучшая идея (Dzemi-dok, 2019, 72)), отсутствием самого желания что-либо скрыть или утаить. При этом обескураживающая искренность и честность Дземидока заставляет читателя становиться чуть более открытым и «наивным». Но самое главное, и что действительно замечательно, книга оставляет читателю пространство для собственной честности — принятия или неприятия автора. Это пространство не надо отвоевывать (как часто бывает необходимо). Советы Дземидока, которые он иногда формулирует, действительно выглядят советами в самом лучшем смысле этого слова. Его примеры и заключения живут в тексте так, что наличие альтернатив как-то само собой предполагается. В целом из этого и складывается свободная атмосфера откровенной беседы.

Обращаясь к конкретным содержательным моментам сборника, стоит начать с самого названия: «Философия и искусство жизни». В предисловии Дземидок разъясняет, что он вкладывает в понятие «философии жизни»: это «в основном, этика и аксиология», то есть буквально теоретизация проблемы взаимодействия человека с миром. «Искусство жизни» остается неопределенным, но интуитивно улавливаемым понятием — особым отношением к себе и миру, сочетающим эстетическое и духовное наслаждение. Это наслаждение происходит не из удовольствия, а из полноты переживания. Дземидок пишет о жизни, о ее сложности и многообразии, о всей полноте собственных чувств. Саму книгу он посвящает своей покойной жене Ханне Дземидок, с которой он состоял в браке 56 лет. Глубокая, непредставимая скорбь о ее смерти и столь же невыразимое счастье от пережитого с ней оказываются двумя важными движущими силами текста и мысли автора.

Стоит отметить смелость Дземидока давать «по ходу пьесы» собственные определения необходимым философским

понятиям, не смущаясь перед их трудностью и не прикрываясь историческими перипетиями их становления и трансформации. Поскольку всякие понятийные нюансы в разговоре о жизни могут порой загородить саму жизнь, автор от них легко отказывается. Так что определение понятия «искусства жизни» со всеми необходимыми ссылками и оговорками не входит в его планы. Но для того, чтобы позволить читателю самому определить, что такое «искусство жизни» Дземидок обращается в своих рассуждениях к ряду самых разных тем, так или иначе связанных с восприятием, эстетикой жизни. В восьми эссе книги он находит свой путь к каждой из них, где-то опираясь на вполне привычные позиции признанных академических философов, а где-то оставаясь в пространстве личных примеров и их обобщений.

Первое эссе Дземидок посвящает проблеме отношения человека к жизни как к процессу. По его мнению, качество жизни человека во многом определяется его отношением к происходящим событиям и, как следствие этого, возможностью получить удовольствие. Автор дает два совета (не столько как философ, сколько как опытный во всех смыслах человек): не нарушать некоторую иерархию событий и ощущений (чтобы мелочи не затмевали своим количеством большое, но единичное), и не предаваться бессмысленным ожиданиям, ведущим к неизбежному разочарованию. При ближайшем рассмотрении, оба совета сводятся к тому, чтобы воспринимать жизнь непосредственно, поскольку только такой подход открывает путь к наслаждению и удовольствию. Дземидок рассматривает способность пессимистической и оптимистической позиции определить жизнь человека и показывает, чем они могут обернуться в процессе этой жизни. Философское осмысление этих понятий дается с очень разнообразными, интересными и многочисленными ссылками, в основном на польских авторов: М. Шишковская, З. Шаварский, В. Татаркевич, Е. Водыло и др. (Dzemidok, 2019, 14-38). Есть основания полагать, что в польской философии это довольно популярная тема и рассуждения Дземидока вписываются в эту общую традицию мысли.

Второе эссе посвящено вопросу о соотношении морали, права и нравственности в регуляции человеческих поступков.

Само различие этих понятий толкает философа в интердискурсивность, и Дземидок с явным удовольствием в нее погружается. Маневрирование между «обычным пониманием» терминов и их философским осмыслением составляет большую часть его рассуждения, выявляя может быть не самые новые, но крайне существенные этические проблемы.

«Может ли у свободы быть горький вкус?» — поэтический образ из названия третьего эссе книги вызывает желание его буквально процитировать. Эссе посвящено обсуждению свободы как понятия этики и аксиологии. Теоретическое разнообразие подходов к ее определению для Дземидока только предваряет непосредственный разговор о границах свободы в современном обществе. В своих рассуждениях автор подходит к свободе как к ключевой, но не к абсолютной ценности. В целом, Дземидок находится на экзистенциалистских позициях, их обсуждение делает это эссе наиболее теоретически насыщенным. При этом собственная мысль автора прорывается ничуть не менее явно, тем не менее именно здесь он почти не прибегает к личным примерам, сохраняя высокий теоретический уровень проблемы. Это лучше всего демонстрирует отношение Дземидока к самому понятию свободы. Автор четко разделяет вопросы об индивидуальной свободе в качестве принципа, и о свободе в социуме в качестве ценности и проблемы, старается не игнорировать ни один из них.

Возможно, чтобы уравновесить личное и общее, автор обращается в четвертой главе к рассуждениям о любви и дружбе. В основном, речь идет о браке — не об институте, а о том непростом явлении, сложности которого Дземидок предлагает рассмотреть. И сразу становится ясно, что, сравнивая условные «брак на основе любви» и «брак на основе дружбы», автор не может, а возможно и не хочет избегать личных, субъективных оценок». Но это и не удивительно: вспомним, получалось ли хоть у кого-то говорить о дружбе и любви, оставаясь исключительно на философских основаниях?

Свои размышления о счастье автор озаглавил еще одним любопытным вопросом: «Может ли стремление к счастью быть морально подозрительным?» Довольно объемное исследование подходов к определению счастья Дземидок дополняет

рассмотрением ряда рецептов его достижения, а также пишет о своем опыте несомненного счастья. Та идея, которая возникает при прочтении этого текста, лучше всего отражается словом «целостность». Ибо здесь в наибольшей степени проявляется целостность Богдана Дземидока как философа — человека, не только проживающего жизнь, но и мыслящего ее. В этом эссе он приводит и собственные пятнадцать пунктов, которые «необходимы, пусть и недостаточны для ощущения счастья». (Dzemidok, 2019, 101). Дземидок всецело сосредоточен на ощущениях и восприятии как таковом, так его понятие счастья несколько выходит за рамки привычных категорий.

Шестое эссе посвящено старости и тому, что значит быть стариком. Дземидок пишет о возрасте, подробно рассматривая различные сюжеты, связанные с ним: личное переживание старости, проблемы пожилого человека, отношение общества к возрасту в современной культуре. Все это непростые темы, но рассуждение о них, о старческой скуке и утомленности занимают Дземидока не меньше, чем рассуждение о счастье. Такое позиционирование себя по отношению ко *всем* проявлениям жизни очень последовательно демонстрируется автором во всем тексте. Концептуально эта глава представляет собой несомненный интерес, так как добавляет к пока немногочисленным, но все же появляющимся сегодня исследованиям старости, новый взгляд. Поскольку, на момент написания книги, Дземидоку 83 года, он позволяет себе усомниться в рассуждениях о старости со стороны более молодых коллег (Dzemidok, 2019, 120). Проблема возраста и его восприятия в современной культуре особенно актуальна благодаря явным сдвигам в медицине и биологии, способным сильно увеличить активную жизнь человека. Культ молодости западной культуры, вряд ли может быть вечным. Так что о существовании этого эссе следует помнить, так как можно ожидать, что возрастная проблематика в скором времени окажется одной из самых востребованных.

В эссе, посвященном музыке, Дземидок рассуждает о ее роли в формировании национальной идентичности, понятие которой он определяет, как «ощущение коллективной народной тождественности [...], оно интегрирует членов этой общности,

способствует появлению уз солидарности и взаимопомощи» (Dzemidok, 2019, 134). В целом, главу можно охарактеризовать как рассуждение о важности понимания национальности и национального при создании культурной идентичности. Дземидок исходит из позиции высокой значимости национальности для самоопределения. С этим можно как соглашаться, ссылаясь на неутихающий интерес к этой теме на уровне государственных программ, локальных исследований, конференций и проч. А можно и не соглашаться, принимая во внимание разнообразные современные сетевые и кластерные подходы к изучению общества и культуры, постмодернистскую критику концепции национальности и множественные кейсы современного глобального мира. Очевидно, что для Дземидока национальная идентичность не является отвлеченным концептом, но глубоко переживается и осознается как часть себя.

Следующее эссе посвящено проблеме сексуальной свободы в современном поп-искусстве и ее влиянию на «деморализацию аудитории». Это довольно неожиданное рассуждение, в котором Дземидок обращается к целому ряду связанных между собой вопросов: от неочевидности обвинений искусства в безнравственности при его эротизации, до трудности определения границ между эротикой и порнографией. Эти темы включают в себя как этические, так и сугубо эстетические проблемы. В целом, эссе получилось очень интересным и мотивирующим на дальнейшие размышления.

В заключении своей книги Богдан Дземидок формулирует советы для того, что можно было бы определить, как полное погружение в искусство жизни. Завершая же свой обзор его книги, я попытаюсь сформулировать то, что можно назвать основным посылом рассуждений этого автора. Дземидок на протяжении всего текста занимается тем, что можно назвать *эстетизацией жизни*. Его размышления о позициях пессимизма и оптимизма, его определения свободы и счастья, любви и дружбы демонстрируют персональную модель эстетики жизни, концентрирующейся вокруг ценности и значимости восприятия и переживания. Из этого и выстраивается концепт «искусства жизни», связывающий воедино разные по тематике эссе книги.

Для меня, как исследователя актуальных вариантов выстраивания персональной идентичности (если уж говорить о внимании к субъективному восприятию), эта книга стала поводом к размышлению о возможности таких персональных эстетических моделей. Если в современной культуре даже на уровне академического дискурса стали уже привычными понятия специфических национальных моделей восприятия, например, итальянской или японской, то почему бы не задуматься о возможности формирования моделей персональных, органично объединяющих впечатление от происходящего с человеком на всех уровнях его сознания и действия. Богдан Дземидок не избегает жизни и не избегает мысли о ней, он находит каждое ее проявление достойным подлинно эстетического переживания. Все восемь частей книги вместе с введением и заключением, очень различающиеся по темам, как мозаика складываются в одну картину, позволяют передать глубоко личный опыт *проживания*. Я полагаю, это как раз и можно назвать персональной эстетической моделью — персональный подход к жизни, отношение как на концептуальном уровне, так и на уровне частных ситуаций, которые не просто «взаимосвязаны» или «находят отражение друг в друге», а являются неразрывным целым и определяют в итоге саму жизнь человека. Пожалуй, в обычной ситуации эстетическую модель жизни Другого очень сложно увидеть, определить и понять, если только не вести с ним долгие вдумчивые беседы на разные темы. Или же, если он не решил написать книгу об этом. А когда такая возможность есть — она интересна сама по себе.

REFERENCES

- Dzemidok, B. (2019) *Filosofii i iskusstvo zhizni* [Philosophy and the Art of Life]. Kharkiv: Gumanitarniy centr. (In Russian).